

«Для меня не существует писателей начинающих и продолжающих. Писатель – или он есть, или его нет. Мария Метлицкая – есть».

Виктория Токарева



**Мария
Метлицкая**

Испытание медными трубами

Мария Метлицкая
Испытание медными трубами (сборник)
Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874055
Испытание медными трубами (сборник): Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-54443-1

Аннотация

Через огонь и воду проходят многие, а вот через медные трубы – единицы.

Ленины родители были шестидесятниками-бессребрениками, и ее собственная семья мало чем отличалась от родительской: они с мужем много работали, но жили весьма скромно. Богатство свалилось на них неожиданно и, как по наивности казалось Лене, вполне заслуженно. Но напрасно она радовалась: шальные деньги – это всегда проверка, искушение, с которым мало кто может справиться.

Содержание

Испытание медными трубами	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Мария Метлицкая

Испытание медными трубами

Испытание медными трубами (повесть)

Жанка позвонила, как всегда, не вовремя – Лена металась по кухне и старалась приготовить ужин. Получалось у нее, как обычно, неловко. Суеты много, а толку мало. Не зря свекровь называла ее обидным словом «тетеха». Так и говорила – хорошая девка, но тетеха. Под ногами крутилась младшая, Маринка, что-то ныла по поводу новой куклы. Из своей комнаты орал старший сын, Вадик, требовал к себе мать – не получалась математика. Муж Сережа позвонил, сказал, что дома будет через двадцать минут. Лена задержалась еще больше. Котлеты, как всегда, подгорали, а суп выкипал. Стала резать салат и, как часто с ней бывало, порезала палец.

«Идиотка», – сказала она себе, и из глаз брызнули слезы. А тут еще эта Жанка. Вот черт дернул взять трубку! Лена поторопила:

– Говори быстрее, Жан!

– А что у тебя за крики? – невинно спросила Жанка. – Просто какой-то сумасшедший дом!

Лена разозлилась:

– Дети, Жан. У меня – дети! И муж с работы вот-вот вернется.

В общем, одинокая Жанка и семейная Лена друг друга безобидно подкололи. Жанка что-то торопливо верещала, но крики детей перекрывали ее тонкий голос. Из всего услышанного Лена поняла, что дело у Жанки очень важное и безотлагательное. Нужно обязательно встретиться, и желательно – как можно скорее.

– Слушай, Жан, – сказала Лена, – позвоню тебе попозже, когда своих накормлю.

Жанка недовольно буркнула:

– Жду. И быстрее!

Потом пришел Сережа, как всегда усталый и недовольный. Накричал на дочь и обозвал сына бестолочью. Дочь расплакалась и побежала жаловаться матери. Сын громко хлопнул дверью и объявил, что ужинать не будет. Лена умывала зареванную дочь, уговаривала сына выйти к столу и укоризненно смотрела на мужа.

Наконец все расселись. Лена разлила суп – по старшинству, себе последней. Все ели молча и с недовольными лицами. Дочь продолжала всхлипывать. Лена убрала суповые тарелки и поставила перед каждым второе – котлеты с макаронами. Дочка заканючила, что котлету она не хочет, сын опрокинул стакан компота, а муж с брезгливой миной на лице счищал с котлеты подгоревшую корку. Поковыряв еще немного в тарелке, он встал и трагическим тоном произнес:

– Спасибо! – И ушел в комнату.

Дети повыскакивали из-за стола и радостно разбежались. Лена устало села на стул – опять все всем недовольны. Милый семейный ужин. Обсуждение семейных проблем. Общие темы. Все дружелюбны и обожают друг друга. Ха-ха!

Она вздохнула, встала и принялась мыть посуду. Потом купала дочку, гладила ей на завтра платье в садик, делала с сыном математику, чистила его школьные брюки и заворачивала бутерброды мужу на работу – в столовой он принципиально не ел: дорого и невкусно. Потом укладывала детей – дочке обязательно на ночь сказку, сыну поцелуй. Заглянула в

спальню – муж сидел перед компьютером. Не обернулся. Она вздохнула, пошла на кухню, налила себе чаю и тут вспомнила про Жанку. Прикрыла кухонную дверь и набрала номер.

– Ну наконец-то! – услышала она недовольный Жанкин голос.

Лена попросила объяснить ей суть проблемы, но подруга настаивала на личной встрече. Лена пыталась объяснить, что времени совершенно нет. Ей добавили еще три класса, а это – колоссальная нагрузка. Педагоги разбегаются, а детей становится все больше. Директриса бешеная, сходит с ума, и ее можно понять. А дома надо еще проверить кипу тетрадей и разобраться с хозяйством и детьми. Но сочувствия от Жанки Лена не дождалась. Та твердо сказала, что завтра в четыре она подъедет к школе, они зайдут в кафе и за чашкой кофе в спокойной обстановке она объяснит суть вопроса. Лена вздохнула и сдалась. Потом она долго стояла под душем – все не было сил вылезти, выпила таблетку витамина, в пользу которого свято верила, и наконец улеглась спать.

– Спокойной ночи, – шепнула она мужу.

Он не ответил – притворился, что спит. Но Лена чувствовала, что это не так. «Ну и черт с тобой, – подумала она. – Вечно я в чем-то виновата!»

Утром началась привычная суэта, обычный сумасшедший дом. Муж повез дочку в садик, а Лена с сыном пошли в школу. Девятый класс пытался сорвать урок – нервы порядком помотали. Лена отыгралась на следующем, восьмом «А», – дала зверский диктант. Когда выдалось окно, съела в столовой салат «Витаминный» и пошла покурить с англичанкой Тамарой – та, не умолкая, трещала о тряпках. После шестого урока завуч собрала совещание – как всегда, ни о чем. Лена поглядывала на часы. Ровно в четыре она села за столик в кофейне. Через десять минут появилась Жанка. Заказали кофе и тирамису. Жанка, сделав большие глаза, начала объяснять суть вопроса. А дело было вот в чем. У нее появилась возможность – просто чудо из чудес – взять на борт двух человек. За сущие копейки – билет пятьдесят евро. Акция для своих. На Кипр. Через пять дней – обратно. И за те же деньги. Но это еще не все. Вернее, не самое главное. А главное состоит в том, что у ее подруги Славы, которую она вместе с Леной благородно берет с собой, есть на Кипре собственный дом. Прямо на берегу моря. И эта самая Слава – кстати, очень милая дама – согласна пустить Лену на постой. И разумеется, абсолютно бесплатно. Вот такой бонус! Жанка протараторила свой текст, выдохнула и откинулась на стуле.

– Ну, как тебе раскладочка? – довольно спросила она.

Лена пожала плечами – заманчиво, конечно. Но как-то все странно – зачем Славе это нужно: незнакомая женщина в компаньонках? В ее собственном доме? Чужой человек? И если у нее дом на Кипре, так уж ей важны халявные билеты?

– Ну, халяву любят все, – рассмеялась Жанка. – А богатые – особенно. Разве кто откажется? А потом, ты не думай, она баба хорошая, без выпендрежа. И одной ей скучно. А так – будет с кем потрепаться, кофе попить, о жизни потрекать. Я дала тебе самые лучшие рекомендации.

– Спасибо, конечно, за доверие, но я думаю, «потрекать» вряд ли получится, – усмехнулась Лена. – Слишком разная у нас с ней эта самая жизнь.

– Не прибедайся и не комплексуй, – отозвалась Жанка. – Ты, между прочим, филолог. Образованный человек. Это она должна тебя слушать, открыв рот.

– Ага, про сопли детей, про придурочных учеников, вечно недовольного мужа и тотальное отсутствие денег. Думаю, в моем лице она найдет крайне интересного собеседника, – грустно усмехнулась Лена.

– Ерунда, не бери в голову. Думай о себе. Море, солнце, пляж – и никаких забот и никаких затрат. – Жанку не так уж просто было разубедить. – Это шанс, понимаешь? А потом пол-лета будешь сидеть в родимой школе, окна красить, а в оставшееся время – в деревне, комаров кормить и пахать на всю семейку.

– Это все так, – грустно кивнула Лена. – Но надо еще договориться на работе и решить проблему с детьми и мужем.

– Вот и решай! – кивнула Жанка. – А то посадила всех на шею, а они и рады, ножки свесили. Ничего, не пропадут. Грудных детей, слава богу, нет. На раздумье три дня. Замена быстро найдется.

Ночью Лена, естественно, не спала. Уснешь тут! «Ну хорошо, – думала она. – На работе я худо-бедно договорюсь. Подменят. Обед на пять дней тоже оставить можно. Сын до школы и обратно дойдет сам – не маленький. И сестру из сада вечером заберет. Бутерброды на работу муж сам нарежет – не развалится. Можно еще привлечь свекровь, хотя и не хотелось бы – это крайняя мера». Под утро твердо решила: надо когда-нибудь подумать о себе, тем более Жанка права – такой шанс выпадает раз в сто лет. И виза не нужна, и есть скопленные волевым усилием триста евро всем родным на подарки. И потом, она так устала за все эти годы! А что она видела за свои тридцать восемь лет? Киев со школьной экскурсией? Вечную трепку нервов с детьми? Юрмалу с мамой в глубоком детстве? Азовское море пару раз, тоже в детстве? Питер – всего три дня? И еще – свадебное путешествие в дом отдыха под Саратовом. Там работала родная сестра свекрови. Лена запомнила этот «медовый месяц» на всю жизнь: комары, сырое белье, перловка на завтрак и ужин и непрерывные, затяжные дожди. Все три недели она проплакала – было жалко себя, и казалось, что в жизни уже никогда не будет ничего хорошего. «Тварь я дрожащая или право имею?» – подумала она к пяти утра и, обессиленная и воодушевленная, наконец уснула.

Утром Лена не знала, как подкатиться к мужу. Испекла оладьи с яблоками, сварила кофе. Заглядывала в глаза и загадочно улыбалась. Муж смотрел на нее с большим удивлением и, как ей показалось, очень хотел покрутить пальцем у виска. По дороге в школу Лена поговорила с сыном. Вадик был в восторге. Успокаивал ее, уверял, что они справятся. Говорил, что уход за сестрой обеспечит по полной программе. Может даже пожарить яичницу и сварить пельмени. Лена смеялась и гладила его по голове. В школе она подошла к завучу. Та выслушала ее с кислой миной, кивнула и попросила привезти из дьюти-фри духи «Шанель-Кристалл». Лена кивала:

– Да-да, конечно.

Вечером предстоял самый тяжелый разговор – с мужем. Дай бог, чтобы он пришел в хорошем настроении! А это бывает крайне редко. На ужин она опять расстаралась: запекла мясо по-французски и испекла шарлотку с абрикосами. В этот раз ничего не пересохло и не подгорело. Вместо халата надела брюки и блузку, причесалась и подкрасила губы. Детей накормила до прихода отца, чтобы все прошло без инцидентов, велела им сидеть тихо и не вылезать из своей комнаты. Сын понимающе важно кивнул и уволок ноющую сестру. Муж пришел с работы, как всегда, раздраженный. Понятно – пробки, устал. Посмотрел на Лену с удивлением, но ничего не сказал. Удивился тишине в квартире. Удивился вкусному ужину. Под мясо выпил рюмку коньяку. Довольный, откинулся на стуле и закурил сигарету.

– Ну, чем еще удивишь? – с ухмылкой спросил он. – Или провинилась?

«Шутит, – подумала Лена. – Уже хорошо». Она присела рядом, посмотрела ему в глаза. И начала говорить.

Муж слушал молча, опустив глаза. Лена с воодушевлением, в подробностях рассказывала ему о сказочном везении и невозможном шансе. Начала повторяться. Муж кивнул.

– Я все понял, Лен. Все ясно. – И, помолчав, добавил: – Конечно, надо ехать.

Лена вскочила со стула, завизжала и обняла его за шею. Он внимательно посмотрел на нее:

– А ты что, думала, что я буду против?

– Я, честно говоря, очень этого боялась, – сказала она тихо.

Муж вздохнул:

– Ну и дурочка же ты у меня!

Лена расплакалась. Когда легли в кровать, муж сказал:

– Наверное, купальник надо новый. Ты же сто лет нигде не была.

Лена опять разревелась и крепко его обняла.

На сборы оставалось два дня, а вернее – полтора. Не было ни купальника, ни шлепок, ни приличного чемодана. Шлепки и купальник купили, а чемодан взяли у соседки Иришки – та была заядлой путешественницей. В назначенный час стояли в Шереметьеве в условленном месте. Как Царевна Лебедь подплыла Жанка – в голубой форме, на высоченных каблукках, в шапочке-таблетке на голове. Сережа посмотрел на нее с интересом. Видя это, Жанка жеманно подставила ему щеку, потом посмотрела на часы и заволновалась.

– Опаздывает, как всегда, королевщина, – проговорила она.

Лена почему-то тоже разволновалась – не придет сейчас эта Слава, и накроется все медным тазом. Сережа посмотрел на жену и покачал головой. Лена тяжело вздохнула. Жанка достала мобильный и принялась нервно жать на кнопки.

– Паркуется, – с облегчением проговорила она.

Минут через десять с достоинством и не спеша в зал вошла маленькая, очень тоненькая женщина с короткой стрижкой, в ослепительно-белом костюме. За собой она везла ярко-красный чемодан. Жанка всплеснула руками и бросилась ей навстречу. Когда они подошли, Жанка продолжала выговаривать Славе за опоздание. Та даже не повела бровью.

«Вот это выдержка! – подумала Лена. – Ни «простите», ни «извините». Лена как-то сразу напряглась. Слава протянула руку – сначала Сереже, потом Лене. Сережа смотрел на Славу во все глаза, только что не присвистнул. И его можно было понять – эта Слава была такая красотка, каких мало: абсолютно точеное лицо, ни одного изъяна. Все безупречно: глаза, нос, рот, волосы. В общем, природа постаралась, и Славины родители тоже не сачковали. Лена как-то стушеввалась и почему-то расстроилась. Вспомнила «ласковое» свекровино «тетеха» и мысленно с головы до ног оглядела себя. Потом Жанка всех начала торопить, Лена попрощалась с мужем как-то скованно и неловко, и наконец двинулись. У Лены от волнения дрожали ноги – вдруг что-нибудь сорвется! Такая авантюра! Не по ее нервам. Но все прошло без сучка, без задоринки, и Жанка даже умудрилась посадить их на свободные места в первом классе. Лена положила под язык леденец, закрыла глаза и вцепилась в ручки кресла.

– Боишься? – удивилась Слава.

Лена кивнула. Наконец взлетели. Самолет набрал высоту, и Лена понемногу стала приходить в себя. Слава пила кофе и листала журнал. Потом был царский ужин с вином и коньяком. Лена совсем расслабилась и почувствовала необъятное счастье и легкость, какие она чувствовала только в далекой юности, сто лет назад.

– Не волнуйся, – сказала Слава. – Дом небольшой, но удобный. Три спальни. Две ванные комнаты. Во дворе – цветник и качели. До моря четыре минуты.

– Я не волнуюсь, – засмеялась счастливая Лена. – Я так тебе за все благодарна!

– Господи, какая ерунда! – отмахнулась Слава. – Дом все равно стоит пустой. Я бы там одна сошла с ума. А лететь надо, все проверить: счета, письма из банка, ну и вообще посмотреть, как дела. Мы бываем там редко, сын тоже туда не ездит – предпочитает Гоа, Бразилию, Чили. Ему интересны впечатления, а не пляжный отдых. Муж занят – будь здоров, а мне одной как-то влом. Грустно. С подругами не сложилось. Не все смогли пережить рост моего благосостояния. – Она рассмеялась.

Приземлились. Лена почти не психовала – помогли две рюмки коньяка. На улице взяли такси. Слава сказала, что ехать примерно часа полтора.

– Обозревай окрестности, – сказала она Лене, – а я пока подремлю.

Лена смотрела в окно: пейзаж был довольно скучный и однообразный. Зелени мало. Солнца много. Моря пока видно не было. Лена тоже закемарилась. Когда она открыла глаза и повернула голову влево, то увидела море – спокойное, серебристо-серое, с легкой рябью. У Лены от восторга перехватило дыхание.

– Не радуйся, – услышала она легкий зевок и голос Славы. – Море сейчас, в мае, еще очень холодное. Позагорать – это да. А вот купаться – сомневаюсь.

Наконец въехали в поселок, как обозначила его Слава. Маленькие аккуратные виллы вдоль моря. Пальмы и яркие, разноцветные бугенвиллеи – бордовые, розовые и белые, оплетающие балконы и стены домов. Тишина – будто все вымерли. Даже несведущая Лена поняла, что «поселок» не из бедных. Машина остановилась возле типового белого двухэтажного дома с колоннами. Слава вышла из машины и потянулась. Шофер донес вещи до двери. Слава расплатилась, довольный шофер ей поклонился, а Лена смутилась и отвела глаза. Зашли в дом – никакой помпезности: белые стены, серый кафель на полу, зеленая кожаная мебель, плазменный телевизор на стене. Они поднялись на второй этаж, и Слава показала Лене ее комнату – кровать, кресло и узкий платяной шкаф. На прикроватной тумбочке уютный ночник. Короче говоря, все, что надо человеку.

– Ну как? – поинтересовалась Слава.

– Здорово! – улыбнулась Лена и добавила: – Спасибо тебе! Такой праздник!

Слава махнула рукой:

– Ерунда!

– Знаешь, в моей жизни так мало праздников! – грустно продолжила Лена.

– Ну вот и расслабляйся. – Слава уже стояла в дверях. – Я в магазин сгоняю. Есть-то нам что-нибудь надо!

Лена кивнула. Она распахнула окно и увидела, как Слава выгоняет из гаража маленький красный «Опель». Она разобрала вещи, надела купальник, сарафан и спустилась на первый этаж. На небольшой кухоньке царил безупречный порядок: в шкафу лежала пачка спагетти и одиноко стояла банка с красной фасолью. Лена вышла во двор, села в пластмассовое белое кресло и закрыла глаза. Дул легкий, теплый ветерок и пахло свежескошенной травой – на соседнем участке монотонно стрекотала газонокосилка. Примерно через час появилась Слава, увешанная пакетами. Они выгружали еду, и Лена опять смутилась и спросила у Славы, сколько она ей должна.

– Не смейся, – ответила та. – Это для меня вообще пустяки. И не парься!

Лена покачала головой:

– Это как-то неправильно, Слава. Кормить меня ты точно не должна.

– Разберемся! – махнула рукой та.

Потом они варили спагетти, посыпали их тертым пармезаном, пили кофе с нежнейшей ветчиной и хрустящим, ноздреватым, душистым хлебом.

– На море? – спросила Лена.

Слава тяжело вздохнула:

– Ну пойдем! Что с тобой поделаешь?

До моря дошли минут за пять. На пляже не было ни одного человека.

– Не сезон, – объяснила Слава. – Все подкатят недели через две, полным составом – с детьми и няньками. У половины домов в поселке хозяева русские. Гомон и шум будет, мало не покажется. Днем – дети, вечером – родители... Когда мы здесь купали, то были одними из первых. А потом подвалили соотечественники – гудбай, спокойствие.

Расстелили полотенца. Пляж был песчаный, с вкраплениями мелкой гальки.

– Я купаться, – объявила Лена.

– Сумасшедшая, – прокомментировала Слава, легла на полотенце, сняла темные очки, закинула руки за голову и закрыла глаза.

Лена осторожно подошла к воде, попробовала. Холодная! Ну и пусть! Быть на море и не купаться – какая глупость! Она быстро вбежала в воду и сразу же окунулась. Вода обжигала. Лена проплыла вдоль берега несколько метров, далеко заплывать побоялась – пловец она была еще тот – и выскочила на берег. Слава, приподняв голову, посмотрела на нее с интересом.

– Не вспотела? – ехидно поинтересовалась она.

Лена рассмеялась:

– Все равно – здорово.

– Не сомневаюсь, – ответила Слава и вежливо осведомилась: – Ты случайно не из секции моржей?

– Нет, – рассмеялась Лена. – Я из секции баб, мало чего видевших в этой жизни, и поэтому, как дуручка, радуюсь всему на свете.

Слава промолчала.

Лена оберлась полотенцем, накинула его на плечи и села на песок.

Слава лежала, вытянувшись в струнку и сложив ладони на смуглом и упругом животе.

– Господи! – вскрикнула Лена. – Какие у тебя кольца! И серьги! Просто огнем на солнце горят. Глазам больно! – И посетовала: – Какая я все-таки невнимательная, только сейчас заметила!

– А, ерунда! – махнула рукой Слава. – Семейная история. Как-нибудь расскажу.

Домой вернулись через пару часов. Слава сказала, что ей надо разобрать бумаги, и предложила Лене пойти в комнату отдыхать.

– Давай приготовлю что-нибудь на ужин, – предложила Лена.

– На ужин поджарим рыбу – это пять минут. Да и какая готовка? Еще здесь будешь у плиты стоять, Москвы тебе мало. Отдыхай! Что мы, две бабы, не прокормимся?

Лена пошла к себе, встала под горячий душ, быстро согрелась и легла. Она вытянула ноги, закрыла глаза и в который раз подумала, как ей повезло. И Слава эта такая милая! И не пафосная совсем. А ведь богатая баба, это понятно. И Лена опять вспомнила ее необыкновенные кольца и серьги. Потом она начала дремать и слышала сквозь сон, как Слава на повышенных тонах разговаривает по телефону.

Вечером вынесли стол в сад. Слава ловко зажарила на гриле рыбу, порезали помидоры и огурцы. Открыли бутылку белого вина. Слава повела носом – чем-то пахнет.

– Счастьем! – сказала Лена и рассмеялась.

Слава внимательно посмотрела на нее и усмехнулась. Потом ели рыбу, и Лена абсолютно честно призналась, что подобной вкусноты она не пробовала никогда.

– Просто свежая, – пожала плечами Слава, – утренний улов.

– Как у тебя все просто! – удивилась Лена. – На все есть ответ и объяснение!

– А зачем усложнять? – отозвалась Слава. – В жизни и так сложностей хватает.

Потом Лена предложила выпить за Жанку. Ведь если бы не она... Выпили.

– Бедная Жанка! – сказала Лена. – Ни семьи, ни детей...

– Глупости какие! – возмутилась Слава. – И с чего это она такая бедная? Летает по всему миру, отдыхает в лучших отелях. Ни перед кем не отчитывается за лишнюю пару туфель. Не стоит у плиты и не выслушивает ежевечерние мужские истерики. Мужиков полно. И все не бедные, кстати. Один машину купил, другой шубу. А мы ее с тобой давай пожалеем!

– Ну, при чем тут машина и шуба? – искренне удивилась Лена. – А муж, дети? А радость от детей, отдача?

– Много у тебя от мужа радости? – поинтересовалась Слава. – А от детей? Сначала сопли, пеленки. Бессонные ночи. Бьешься одна. Муж злоющий – ему завтра на работу. Ты валишься с ног от усталости. Считаешь копейки. Думаешь о лишней паре колготок. О лиш-

нем часе сна. Потом детки растут. И тут уж начинают пить из тебя кровь по-взрослому. Опять не спишь ночами. Сходишь с ума. У мужа все больше портится характер, и комплексов год от года прибавляется. Дальше появляются суки невестки и уроды зятя. Внуки. Сопли, пеленки. Хамство. Обиды. Дальше продолжать?

Лена сидела, опустив голову.

– Неужели все так ужасно? – тихо спросила она. – Ты все про меня знаешь?

– При чем тут ты? Обычная среднестатистическая история из жизни российской женщины, – усмехнулась Слава. – Просто Жанку жалеть нечего. Живет человек в свое удовольствие. А ты еще вспомни про стакан воды...

– А ты? – спохватилась Лена. – Ты же вышла замуж и родила!

– У меня другая история, – отрезала Слава.

Вечер был безнадежно испорчен. Они молча допили вино и, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись.

Лена легла в постель и почему-то заплакала. А потом подумала, что соскучилась по дочке и сыну и даже немного по мужу.

«Другая история, – подумала она. – Ну и у меня другая история. Не у всех же все одинаково!» Спалось ей отлично – она не помнила, когда в последний раз так спала: без тревог и душных, беспокойных сновидений, без вечной боязни проспать и опоздать. В комнате было прохладно, и от ветра мягко колыхалась легкая занавеска. Проснувшись, Лена зажмурила глаза от яркого солнца. Она сладко потянулась, улыбнулась и быстро вскочила с постели. Внизу пахло кофе и жареным хлебом. Слава сидела на высоком барном стуле, пила кофе и возбужденно разговаривала по телефону. Она кивнула Лене и махнула рукой на кофеварку. Наконец она закончила разговор и раздраженно бросила трубку.

– Проблемы? – спросила Лена.

– А ты думаешь, у меня их нет? – резко ответила та.

Лена опустила глаза.

– Извини, – бросила Слава.

Лена кивнула.

– Просто стоит уехать на пару дней – и ощущение, что прошло цунами, – продолжила Слава.

– Я стараюсь не думать, что там у моих, – улыбнулась Лена.

– Тоже думаю, что без тайфуна не обошлось. Ты позвони! – Слава кивнула на телефон.

– Боюсь, – призналась Лена.

– Тогда ну их ко всем чертям! – сказала Слава. – Уверю тебя, справятся и точно не пропадут. Может, даже наконец оценят наш непомерный вклад в их собственную жизнь. – Она выключила мобильник.

Потом они долго пили кофе – уже на веранде в саду – и намазывали горьковатый апельсиновый джем на теплые тосты. Лена собралась на море, а Слава сказала, что поедет в город – в банк и по всяким другим делам. Лена надела купальник, взяла полотенце и знакомой дорожкой почти побежала на пляж. С моря дул довольно холодный ветер, и на берег накатывали мелкие, с пенистыми гребешками волны. Купаться не хотелось. Лена завернулась в полотенце и решила, что будет просто дышать морским воздухом и смотреть на море. Лучшая терапия! Она не заметила, как уснула. Проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо. Над ней стояла Слава.

– Сгоришь, сумасшедшая! На таком ветру!

Лена поднялась, отряхнулась от песка и, с трудом приходя в себя от сна, двинулась вслед за Славой. Лена действительно прилично обгорела, и Славе пришлось ехать в аптеку за мазью. Лена извинялась и переживала – столько из-за нее хлопот! Весь оставшийся день

она проспала, спустилась только к вечеру – очень захотелось есть. Во дворе Слава разжигала костер для барбекю.

– Жива? – усмехнулась она. – Ну, раз есть захотела, точно оклемалась.

На этот раз Слава жарила на решетке бараньи ребрышки, посыпанные розмарином и гранатом. Запах от мяса стоял одуряющий. Открыли бутылку красного вина.

– Обожаю мясо, – сказала Слава, вгрызаясь в отбивную крепкими, белоснежными, ровными зубами.

– А я все люблю, – простодушно откликнулась Лена. – Только вот повариха из меня никакая: вечно то горит, то убегает. Свекровь называет меня тетехой, и она, наверное, права. Даже наверняка.

– А ты ее как называешь? – поинтересовалась Слава.

– В каком смысле? – не поняла Лена.

– В прямом, – усмехнулась Слава. – Ну там, старая дура или ходячий в климаксе маразм.

– Шутишь?

– Почему? – удивилась Слава. – Она же тебя оскорбляет, унижает, и наверняка при муже и детях.

Лена промолчала, а Слава продолжила:

– На тебе же крупными буквами написано: «Садитесь на меня и езжайте!» Весь твой вид усиленно приглашает к этому действию. Седлайте, я все осилю! А так нельзя. Просто надо думать о себе. Кроме тебя самой, о тебе никто не вспомнит. Ты уж мне поверь! А свекрови своей дорогой скажи, что за годы жизни с ее сыном тебе уже положена ранняя пенсия, как у балерины или чернобыльского ликвидатора.

– Почему? – обиделась Лена. – Сережа хороший и порядочный человек. Не пьет, не гуляет.

– Знаешь, иногда лучше, чтобы пил и гулял, – ответила Слава. – Это я так, в общем. Не про тебя конкретно. Не обижайся. Но то, что твой Сережа – тот еще перец и зануда, каких мало, не мне тебе объяснять.

Лена, конечно, обиделась. Хотя что душой кривить? Эта Слава умна, как дьяволица. И все в ее словах – правда. Только кто от нее ждал этой правды? И кому она нужна в таком виде? Про себя она вообще слова не говорит, а это не по правилам. Или она считает, что приютила ее на несколько дней и поэтому может говорить гадости? Первым порывом Лены было встать и уйти к себе. Но это совсем выглядело бы глупо, да и идти на открытый конфликт было совсем ни к чему.

– А у тебя как? – ехидно спросила Лена. – Все гладко и складно? Все по струночке? Сбоев не бывает?

– Обиделась, – вздохнула Слава. – А я ведь честно не хотела. Клянусь! – Она замолчала, вздохнула и сильно затянулась сигаретой.

Обе долго молчали, а потом Слава проговорила:

– У меня многое в жизни было – и нищета, и богатство. И находки, и потери. И разочарования. И бесценные приобретения – в прямом и переносном смысле. Все было. Только скуки не было. Совсем нескучная была жизнь. – Она замолчала и долго смотрела на темнеющий сад. – Хочешь, расскажу? – Она повернула голову и посмотрела на Лену.

Лена в волнении сглотнула слюну и кивнула. Слава открыла вторую бутылку вина, разлила его в бокалы и улыбнулась:

– Все равно делать нечего! Только языками чесать. – Она отпила вина и снова закурила:

– Ну, пожалуй, начнем! Когда утомлю, остановишь!

Лена кивнула.

– Мать родила меня поздно, в тридцать пять, – начала Слава. – У нас все женщины рожали поздно. Только я разрушила традицию. Мать и рожать меня не очень-то хотела – во-первых, без мужа, а во-вторых, бедность была страшная. Коммуналка – семиметровая комната и двенадцать соседских семей. Типичное питерское жилье. Работала мать в фотоателье, приемщицей. Зарплата копеечная, но, правда, и работа непыльная. Да ей другая и не подходила – слишком слаба была здоровьем: астма, вечные бронхиты и пневмонии. Питерский климат ей вообще был противопоказан. Врачи в один голос говорили, что надо купить какое-нибудь жилье на море и навсегда поселиться там. Но мы, сколько ни старались, так и не смогли обменять свою комнатуху на что-нибудь с удобствами в Крыму – предлагали один Шанхай. Правда, еще была хорошая квартира у бабки, ее матери. На Рубинштейна. Двухкомнатная, с тремя окнами фонарем в большой комнате. Но она наотрез отказалась из нее уезжать. Здоровье дочери ее вовсе не заботило. Но про бабушку потом. У матери был роман с зав ателье. Мужичок он был заваливающий, скуповатый и трусливый. Но раз в год, в отпуск, подбрасывал ей денюжку, чтобы она на море съездила. В тот год мать поехала в Алупку и зароманилась с молодым красавцем греком. Он пел в кабаках на побережье. Хорош был – глаз не оторвать. Да, впрочем, какой там роман – у него были лучшие девицы курорта. Просто переспали пару раз, ну мать сразу и залетела. Видно, грек этот был ядреный мужик. Схватило сразу, как клей «Момент». Как уж она пыталась от ребенка избавиться! – Слава замолчала и рассмеялась: – Но от меня так просто не избавишься! В общем, делать было нечего – пришлось меня донашивать. Бабка в любой помощи сразу отказала. Сказала, что внебрачный высерок ей не нужен. А пенсия у нее была огромная по тем временам – персональная, за мужа, мелкого функционера. В общем, мать с бабушкой окончательно разругались, хотя и до этого отношения были, мягко говоря, не ахти. Мамин любовник сразу испугался, что ребеночка припишут ему, и быстренько с матушкой расстался. Осталась она одна, плюс я – хорошая помощница. Одни проблемы. Денег хронически нет. Соседи орут: «Заткни своего бастарда». Если они, конечно, знали такие слова. Но в Питере ведь публика интеллигентная! А я действительно орала как подорванная. Видимо, была голодная – у матери почти не было молока. В общем, в год отдала она меня в ясли, а сама пошла в них работать нянечкой. Там, по крайней мере, мы были сыты, хотя из соплей и ОРЗ я, понятное дело, не вылезала. Когда у матери случались обострения и нужно было ложиться в больницу, она умоляла бабушку забрать меня хотя бы на пару недель. Но та стояла насмерть – ни в какую. И тогда меня определяли в круглосуточные ясли. Всю ночь лежала в мокрых пеленках, от холодной манной каши меня рвало, и за это меня били мокрым и вонючим полотенцем по лицу. Маме нужен был Крым, хотя бы три месяца в году. Любовника, подбрасывающего хоть какие-то деньги, уже не было. Питаться ей надо было тоже определенно: фрукты, овощи, сливочное масло, рыночный творог, парная печенка – гемоглобин у нее был ни к черту. А ели мы плавленые сырки, яичницу или пельмени – готовить она так и не научилась. В общем, жизнь у нее была – врагу не пожелаешь: ни денег, ни мужика, ни поддержки. А главное – не было здоровья. Она меня, конечно, любила, но я не уверена, что она ни разу не пожалела, что меня родила. Правда, потом я ее радовала – училась легко, бегала по всяким кружкам, и везде меня хвалили. А хорошенькая я была – просто кукла. Люди на улице останавливались, чтобы меня получше разглядеть и по головке погладить.

Даже бабка меня оценила – говорила, что я еще задам перцу. Это из ее уст был лучший комплимент. Она даже просила меня открыть рот и зубы показать, как будто лошадь покупала. Я к ней иногда забежала – она мне рубль подбрасывала или, в редком случае, два. Я хвасталась перед мамой, а та смеялась и говорила, что я дурочка. Что для бабки эти подачки – капля в море. И однажды шепотом сказала, что бабка – очень богатая. Очень. Но нам от этого ни пусто, ни густо. А вернее – пусто. И еще добавила, чтобы я ни на что не рассчитывала: все равно ничего не обломится. Я тогда удивилась: «Почему?» А мама жестко отве-

тила: «Потому!» И сказала, что больше к этой теме мы возвращаться не будем. Я рано стала взрослой – при такой-то жизни. Уже в четырнадцать вовсю крутила романы. Серьезные. В смысле, спала с мужиками – музыкантами какими-то, рокерами. В общем, неформалами. Мать ни на что не реагировала – ей было не до меня, она уже почти не вставала, была на инвалидности, бабка говорила, что я полная дура.

«Такой товар имеет цену», – цедила она и цепкими пальцами поднимала мой подбородок.

После восьмого класса я пошла работать в Мухинское натурщицей. Спрос на меня был огромный. Я там сразу стала своей и наконец действительно влюбилась. – Слава встала, потянулась и взерошила волосы на голове. – Пойду поставлю чайник, очень хочется кофе! – В дверях она обернулась: – Я тебя не утомила?

Лена усиленно замотала головой.

Слава вернулась минут через десять, неся в руках турку с кофе и две кофейные чашки. Она удобно угнездилась в кресле, разлила кофе и закурила.

– В общем, мама тихо умирала, а я жила своей жизнью и ничего не видела вокруг. Однажды бабка мне дала денег. «Купи на рынке курицу и свари матери бульон», – сказала она.

Курицу я сварила, но потроха не вытащила. В общем, бульон испортила. Но мама курицу все равно съела. Ела и плакала. Соседка мне объяснила, как сварить бульон – с луком, морковью. Я пошла к бабке, все ей рассказала и попросила денег еще на одну курицу. В магазинах тогда ничего не было, а цены на рынке – сумасшедшие. Бабка посмотрела на меня и сунула мне в лицо здоровенную фигу.

В восемнадцать я забеременела. От своего любимого. Он был очень талантлив, подавал большие надежды, но беден как церковная крыса. Мать его жила где-то под Киевом, в селе под названием Остров. Вдовела, жила одна, болела, скотину не держала. Перебивалась кое-как, но посылала с проводником в Питер сало, картошку, банки какие-то. Это нас здорово поддерживало. Про свою беременность я матери не сказала – понимала, что она тихо уходит. Мы расписались и жили в общежитии. К матери я прибегала каждый день, иногда оставалась ночевать. Вот в одну из таких ночей она мне и рассказала все про бабку. И после этого рассказа я долго не могла прийти в себя. И до сих пор не могу. – Слава хрипло рассмеялась.

Она долго молчала. И Лена молчала тоже. Понимала, что сейчас услышит какую-то трагическую историю, страшную тайну, и ей было не по себе, как-то даже жутковато, но при этом она с замиранием сердца ждала продолжения, и Слава наконец заговорила.

– Бабка родилась в 1898-м. Она была из обедневших мещан, которые решили попробовать себя в торговле. Открыли канцелярскую лавку, но дело не заладилось. Перебивались с хлеба на воду. В доме было три дочери, и всех надо было пристроить, а это было делом непростым. Младшая, Ганечка, от этих проблем их сама освободила – умерла от чахотки. Уже легче – осталось две сестры: средняя, Клавдия, моя бабка, и старшая – Зинаида. Зинаида была хорошенькая: тоненькая, белокурая. Глупенькая, правда. Все хихикала непонятно чему. А Клавдия в семье считалась самой умной, даже отец ее побаивался и никогда не трогал, а рука у него была тяжелая. Но вот красоты бабке бог не дал – носик уточкой, глазки блеклые, волосы серые. А вот стать была: рост хороший, бюст, бедра. Голова назад закинута, подбородок кверху – типа, всех я вас имела в виду. Впрочем, так оно и было – всех всю жизнь она имела в виду. Зинаиду просватал какой-то дальний родственник из деревни. Сбагрили ее и до смерти радовались, а к Клавке никто не сватался, все ее побаивались. Впрочем, один смельчак нашелся. Лавку свою убыточную они к тому времени решили продать, и покупатель, купчишка какой-то мелкий, на Клавку запал, сделал ей предложение. Складывалось все удачно: и дочка пристроена, и лавка на месте. Но Клавдия еще долго ерепенилась, муржила жениха. Тот от любви весь высох. Короче говоря, сыграли свадьбу в 1914-м, Клавдии

было тогда шестнадцать лет. Наняли квартиру рядом с родителями. В лавке дела шустрее пошли. А вот семейная жизнь у молодых не заладилась. Муж ее любил до смерти, а молодая в чувствах была холодна и скоро отказала ему от постели. Говорила, что не любит и что замуж ее выдали против воли. Он старался, как мог. А Клавдия была безучастна. Что делает русский мужик в таком случае? Запивает. И он запил. Страшно, по-черному. Разорились они быстро, и он уже стал из дома вещи таскать. Говорили, что была она его страшно – сковородой, ухватом. Уходила к родителям, а те гнали назад, «к законному». В общем, где-то через год после «счастливой» семейной жизни он пропал. Подали заявление в полицию. Нашли труп какого-то утопленника. Опознать его было почти невозможно, но Клавдия признала, что это ее муж. Похоронили. Отец ее тоже вскоре умер, мать Зинаида забрала в деревню – с детьми помогать. Клавдия осталась одна как перст. Ни родни, ни денег. А выживать надо. Сделала себе рекомендации липовые – умная была, ловкая, – устроилась прислужкой в богатый дом. А там своя история. Хозяйка из купцов, очень богатых и известных. А хозяин – из обедневших князьев, родословная хорошая, а сам гол как сокол. Жил за счет жены. Вот такой мезальянс. Мало того, еще картежник был и гуляка, да и выпить не дурак. Жена его любила до смерти, а сама слаба здоровьем была – родить ему не могла. Вот он на этом и играл – она боялась, что он уйдет, и денег ему давала без счета, а сама страдала невыносимо и болела. Неделями в постели лежала и слезами умывалась. В общем, по закону жанра, бабка моя с этим князьком сошлась. Ему, молодому и здоровому, естественно, была нужна здоровая баба. К девицам он не ходил – был брезглив, а любовницу не заводил – на нее нужно было тратиться, да и боялся огласки. А здесь, думал – простая деваха, наивная. Будет счастлива от самого факта. Но просчитался. Скоро Клавдия забеременела. Он был на седьмом небе. А она – свои условия. Из прислуг – уходит. Далее – квартира ей нужна маленькая, но уютная. И в хорошем доме. Содержание, естественно. Ребенку приданое. Прислуга не помешает. И так далее – со всеми вытекающими. Он был слегка ошарашен, но условия ее принял. Зная бабу, не исключая, что там нашлось место и шантажу. Но он страстно хотел ребенка, и к тому же к ней тоже успел прикипеть. Не заметил, как влюбился, и уже не мог без нее жить. – Слава усмехнулась: – Знаешь, видимо, в делах интимных она была большая дока. Ну, мне почему-то так кажется. Даже в старости чувствовался в ней какой-то мощный импульс, несмотря на то что красавицей она не была. Да и красота не имеет к этому ни малейшего отношения. Ну, ты понимаешь, о чем я. Вспомни историю, – продолжала Слава. – Все великие любовницы были отнюдь не красавицы.

Лена кивнула, соглашаясь.

– Как ты понимаешь, все ее условия он, конечно, выполнил. Зажила она весьма и весьма неплохо – так, как никогда не жила. Другая бы радовалась, а ей показалось маловато. Что ей квартирка в три комнаты, когда есть дом на Гороховой? Что ей прислуга, когда могут быть и горничная, и кухарка? А экипаж? А магазины, курорты, заграница? Загородное поместье? Короче говоря, сказка о Золотой рыбке, не иначе. Он ей объяснял, что развестись никак не может – живет на средства жены. А она его пугала, что отвезет ребенка к богатой родне в деревню, и он его не увидит. Как всякая аферистка, умела блефовать, а он, дурак, велся и валялся в ногах. Что бы как-то ее умаслить, стал тырить драгоценности у жены и таскать ей. А там ничего простого не было – сплошной Фаберже. Клавка на какое-то время утихала, а потом опять за свое. Он утешал ее тем, что жена совсем плоха и осталось ей немного. В общем, надо подождать. Дождались – грянула революция. А когда началась экспроприация экспроприаторов, законная его в одночасье от сердечного приступа и померла – когда brave матросики начали при ней заворачивать в скатерти вазы эпохи Янь и столовое серебро. А муженек ее тем временем ховался у возлюбленной. Это было выгодно – с происхождением у той все было в порядке. Что мог, он из тайника в доме на Гороховой ночью вынес. Кое-что успел забрать из банковского сейфа – и это было чудо. Клавдия родила мальчика – восьми-

месячного, раньше срока. С князем они оформили законный брак, и он умолял ее бежать. Она бы рада, но заболел и без того слабый младенец. Клавка была готова сдать его в больницу или в приют, говорила, что он не жилец, но князь посмотрел на нее как на умалишенную, она испугалась и замолчала. Ребенок умер через месяц. И тут свалился с инфлюэнцей князь, а через несколько дней – она сама. Оба лежали в бреду и с высочайшей температурой. Некого было даже послать на рынок за молоком – прислуга испугалась заразы и сбежала. Князь умер, а Клавка еще лежала рядом с ним два дня, только потом хватило сил оттащить его труп в прихожую. Когда она чуть пришла в себя, то собрала вещи и стала пробираться к сестре в деревню. Одевалась по-деревенски, все ценности зашила под нижнюю юбку. Говорила, что юбка была неподъемная. В деревню она пробралась без потерь. Кто будет осматривать простую деревенскую бабу? Сестра Зинаида пожалела ее, но приняла без радости – своих семеро по лавкам. Все свои цапки Клавка, естественно, из юбки выпорола, положила в старый бидон, который зарыла в саду под грушей – в лучших традициях детективного романа. Отсиделась у Зинаиды пару лет и поняла, что ловить в голодной деревне нечего и надо возвращаться в город. В 22-м вернулась в Питер.

Слава замолчала и прикрыла глаза.

– Это все? – почему-то шепотом спросила Лена.

Слава ответила не сразу.

– Ну почему же все? – Она глубоко вздохнула. – Дальше же тоже была жизнь. Бабка моя дожила до девяносто пяти. На пять лет пережила мою мать, то есть свою дочь. Так что это – только первая часть марлезонского балета. – Слава встала и прошла по террасе. – Ноги затекли и спина. Может, спать? Все остальные страшилки оставим на завтра? Ну, чтобы завтра не грустить? – Она улыбнулась и широко зевнула. – Что-то я устала.

– Знаешь, – вдруг сказала Лена. – У меня тоже ведь похожая бабка была. Ну, не в смысле, чтобы похожая, а тоже – непростая. Мать моего отца. Муженек ее был зам наркома. Жили на Горького, напротив «Арагви». Обеды и ужины им приносили прямо оттуда. Он, конечно, не спасся – сел. И пропал – десять лет без права переписки. Ну, ты понимаешь, что это тогда значило. Она чудом уцелела – успела удрать в Казань, к сестре, с моим отцом, совсем младенцем. Он родился в тридцать восьмом, своего отца не помнил. Вернулась она в Москву в пятьдесят пятом – уже не молодуха, но по-прежнему красотка. Опять вышла замуж, еще удачней прежнего – за директора большого универмага. Правда, и он был дядька непростой – с хорошим образованием, знал классическую музыку, обожал балет, разбирался в живописи. Знаешь, в те годы директор магазина – это большая шишка. Все хотели с ними дружить. Началась светская жизнь. Они обожали балет и драму, на всех премьерах – в первых рядах, бабка в длинном платье и меховом палантине. Дружили с художниками, композиторами, писателями, артистами. С признанными и обласканными властью и не очень. Бабка чувствовала талантливых людей. Устраивала у себя суаре, что-то типа светских салонов. Накрывался роскошный стол, звучали рояль и скрипка. Правда, и странных, темных личностей в доме крутилось много. В общем, очень смешанная там была публика: торгаши, крупные дельцы – они, по-моему, назывались тогда цеховиками, – военные при чинах, актеры и прочая творческая тусовка. Странный это был дом: богатый, хлебосольный, шумный. Разноцветный какой-то. К сыну, моему отцу, она относилась прохладно – он ее образ жизни не принимал. Рано ушел из дома в общагу, ходил в походы, сплавлялся на байдарках, носил бороду, пел под гитару у костра и читал запрещенную литературу, одним словом, был отщепенцем. Она его даже стеснялась и побаивалась его диссидентских, как ей казалось, знакомых и тоже не принимала его образа жизни. Она-то при этой власти жила замечательно, все ей дала эта власть. И заметь, не трогала почему-то, позволяла веселиться. Зато она страстно полюбила дочь своего мужа – та тоже была светской девицей. Дружили и общались они захлеб. Мать мою она, естественно, не приняла – простая девочка из Курска, медсестра.

Пыталась всю жизнь сына сосватать – даже когда он уже был женат и родилась я. Ко мне, что естественно, относилась совершенно равнодушно, будто меня и не было вовсе. Даже с днем рождения забывала поздравить. А внуков от падчерицы – обожала. Муж ее через десять лет после свадьбы умер – прожили они не так много, – и его семья окончательно стала ее семьей. Конечно, она была молодец – никак не хотела мириться с возрастом: про болячки не говорила из принципа, до самой смерти продолжала ходить в театры и на выставки, много читала, ездила в гости к оставшимся подружкам – тоже дамам, как ты понимаешь, не простым, из прошлой жизни. В общем, тусовалась бабуля всюю. Зла она мне не сделала. Впрочем, как и добра. Ну, и бог с ней! – улыбнулась Лена. – Пусть спит спокойно! Но знаешь, что странно – на ее похоронах я сошлась довольно близко с ее падчерицей. С той, которую всю жизнь терпеть не могла и которую ревновала к бабке, конечно. Не могла понять – как так? Она – не родная, а самый близкий бабке человек. Не я, не мой отец. Она ведь совершенно из другого теста, из другой среды, этакая светская дама. Резковатая, правда. Но мы даже почти подружились. Нет, это, конечно, громко сказано, но перезваниваемся, поздравляем друг друга с праздниками. Ездим вместе к бабке на кладбище. Она тетка богатая, думаю, что очень богатая, но без пафоса. Нормальная, в общем.

– Ну, пошли, подруга, спать. – Слава снова зевнула. – Завтра опять языками почешем. Что нам еще делать? Да и с делами своими я вроде почти разобралась. Так что будем отдыхать. Может, даже пойду с тобой на море, если ветра не будет. – Слава ополоснула кофейные чашки и бокалы, бросила в ведро пустые бутылки, пожелала Лене спокойной ночи и пошла к себе.

Перед сном Лена намазалась мазью – тело, особенно плечи и грудь, еще здорово болели. Она легла в кровать и отправила эсэмэску мужу. Про себя – пару слов: мол, все замечательно. В основном – вопросы про детей. Муж был предельно краток. Впрочем, как обычно. Другого она и не ожидала. Главное было услышать, что все здоровы. А остальные мысли она прогнала прочь.

Утро было солнечным и безветренным. Быстро выпили кофе и стали собираться на пляж. Позвонила Жанка, полюбопытствовала, как они и что. Спросила у Лены, как у них со Славой. Лена сказала, что все отлично. Жанка выдохнула: «Ну, слава богу! А то я немного нервничала – баба она непростая». Потом Жанка посоветовала не расслабляться и напомнила, что осталось два дня. Лена подумала о ней с нежностью: да, в школе они были подруги – не разлей вода, а потом жизнь все равно развела: слишком разная у них была эта самая жизнь. Нет, созванивались, конечно, часто. Были в курсе жизни друг друга. Но у каждой свои интересы, и Жанка вообще спокойно могла не вспомнить в такой ситуации о Лене. А нет – вспомнила. И устроила такой праздник. Все-таки хороший она человек, эта Жанка. И абсолютно бескорыстный.

* * *

Море было спокойное, ярко-бирюзовое. Лена замерла от восторга и тут же бросилась в воду. Как ей показалось, вода стала теплее. Она даже немного сплавала вглубь.

Слава лежала на полотенце, поблескивая кремом от загара и вытянув руки по швам.

Лена, радостно фыркая, вытиралась полотенцем.

– Не брызгай, холодно, – недовольно сказала Слава.

«Не в духе», – подумала Лена и подвинула свое полотенце в сторону.

– Кремом намажься, – напомнила Слава, – а то прилетишь в Москву как чучело. – И опять замолчала.

– Ты не в духе? – наконец осмелилась спросить Лена. – Плохо спала?

– Я всегда сплю отлично, – отрезала Слава, – невзирая на обстоятельства. Должно же мне было что-то достаться от моей прелестной бабули. Например, крепкие нервы.

Лена вздохнула и легла на спину, подставив лицо солнцу. Она подумала о том, что в принципе ей вполне хватило этих пяти дней, хотя, казалось, что это ужасно мало. И еще подумала о том, что жутко соскучилась по своим – по детям и мужу. И вдруг вспомнила, что надо купить всем подарки – за граница все-таки. Всем будет приятно. А с этим она без Славы не справится.

– Спишь? – тихо спросила она Славу.

– Нет, – ответила та. – Ночью выпалась.

– Слушай, мне как-то неудобно, – начала мямлить Лена. – Ну в общем, я бы хотела съездить в какой-нибудь магазин неподалеку. Сувениры купить своим. Если можно, конечно.

Слава приподнялась на локте:

– Я уже об этом думала. Что-то засиделись мы с тобой, подруга. Так что обедать поедем в город и там заодно все и купим. Не в аэропорту же подарки покупать – там цены бешеные.

– Ой, – вспомнила Лена. – Мне ведь на работу надо духи купить. Директрисе!

– Это можно в дьюти-фри, – разрешила Слава. – По деньгам то же, и качество, скорее всего, нормальное.

Лена еще раз залезла в воду и стала звать Славу, но та так и не решилась. Сказала, что придет сюда, скорее всего, еще в августе. Тогда и накупается. Теперь Лена торопила Славу уйти с пляжа – ей скорее хотелось в город, посмотреть окрестности и, конечно, пошататься по магазинам.

Дома наспех схватили по бутерброду, переоделись и наконец двинулись.

До города было около часа, и дорога шла вдоль моря. Слава рассказывала, что природа на Кипре довольно скудная, хотя есть и живописные места. Зато чудесный климат – купальный сезон вплоть до середины ноября. И прекрасные местные жители – спокойные, уравновешенные и совершенно ненавязчивые, не сравнить ни с Испанией, ни уж тем более с Турцией. Так что английское влияние не прошло даром. Слава повеселела, у нее явно поднялось настроение, да Лена ее и не осуждала: почти неделю с абсолютно посторонним и чужим человеком в своем, между прочим, доме. Ей это надо? Так что спасибо за одолжение. Лена привыкла всех и всегда оправдывать, а здесь и оправдывать было нечего – Слава была вполне доброжелательна и гостеприимна, а на плохое настроение каждый имеет право.

Городок был уютный, с длиннющей набережной, усыпанной отелями. Припарковали машину и пошли по магазинчикам. В сувенирных лавках почти одно и то же. Слава попросила Лену перечислить всех, кому полагалось купить подарки, и кивнула – ясно. В лавочке купили медный кувшин, современный, конечно, – для интерьера и на память, сказала Слава. Дочке – набор ракушек, сыну – футбольную майку, мужу – зажигалку с надписью «Кипр». Коллегам-учительницам – пепельницы и кухонные полотенца. Тоже, естественно, с местным логотипом.

– С сувенирами закончили, – строго сказала Слава. И они поехали в универмаг – огромный, в четыре этажа.

– Теперь – по делу, – скомандовала Слава.

Купили поло мужу, ярко-голубую, под джинсы, джинсы сыну, юбку с оборками и розовым кружевом дочке. Слава сказала, что кружево и оборки – последний писк. Лена кивала, как болванчик, и шла за Славой, словно привязанная.

– А маме? – спросила Слава.

Лена объяснила, что родители уже восемь лет живут в глухой деревне, от Москвы почти пятьсот верст. Сдают квартиру в городе, построили хороший, крепкий и теплый дом, живут и радуются жизни. Впрочем, это вполне в их духе. Так что тряпки им вряд ли нужны.

Слава предложила купить им настенные часы в морском стиле: канаты, якоря.

– Как здорово! – искренне восхитилась Лена. – У тебя глаз – алмаз, и даже лучше. – Она была искренне благодарна Славе.

– Жизненный опыт, – объяснила та и деловито поинтересовалась: – Ну вроде всех окучили? Про тебя я не забыла. Но это будет потом. Сюрприз.

Лена замахала руками:

– Что ты, мне ничего не надо!

– Ага, сейчас! – отозвалась Слава.

– Ой! – вскрикнула Лена. – А про свекровь я забыла! – Она так разнервничалась, что лицо пошло красными пятнами.

– А этой-то за что? – удивилась Слава. – С детьми твоими она вроде не сидит. Даже пожрать приготовить не приехала. Гнобила тебя всю жизнь. А ты ей подарки? – Слава разозлилась не на шутку. – Да, видно, тебя только могила исправит. И то сомневаюсь! – Она хмыкнула и отвернулась.

Лена начала оправдываться, мямлила:

– Ну, ты понимаешь, обиды и все прочее. Сережа не поймет. Все-таки его мать...

– Дело твоё, – сурово оборвала ее Слава. – Только меня к этому не привлекай. Противно.

– Ну что ты завелась? – удивилась Лена. – Что тебе-то она плохого сделала? Да и вообще она ничего. Бывает хуже.

Слава махнула рукой и пошла вперед, бросив на ходу:

– Я покурю на улице.

Лена присела на кушетку, открыла кошелек и приятно удивилась – денег еще оставалось прилично, она сама этого не ожидала. Еще немного посидела, перевела дух и почувствовала, что эти минуты одиночества ей, оказывается, были жизненно необходимы. Все-таки Славин диктат был хоть и справедлив, но, скажем прямо, чересчур навязчив. Она зашла в обувной отдел и, долго не раздумывая, купила свекрови домашние тапочки – вполне симпатичные, вязаные, отделанные искусственным мехом. С души словно камень упал.

Слава ждала ее на улице.

– Ну, что – обедать? – спросила она.

Лена кивнула – и вправду очень хотелось есть, да и просто присесть, выпить воды и отдохнуть. Сели в машину и поехали вдоль моря. Цивилизованные пляжи постепенно заканчивались, и началась более узкая полоса пляжей диких. Слава притормозила у скромного ресторанчика с пластмассовыми столами, такими же стульями и матерчатым, красным тен-том. На столах лежали красно-белые клетчатые скатерти. На полу, на старой, местами треснутой и отколотой плитке, сидело целое семейство довольных и явно не голодных котов. Из-за стойки вышел полный и лысый мужчина и, вытянув руки и улыбаясь во весь щербатый рот, направился к Славе. Они обнялись и расцеловались.

– Это Андреас, мой старый друг, – представила она толстяка. – У него лучшая рыбная таверна на побережье. Сюда ходят только местные. Ну, и русские, разумеется, те, которые тоже из местных.

Они сели за столик, и Андреас принес им по бокалу холодного белого вина.

– У него и вино хорошее, недорогое, но вполне качественное. А в вине я, поверь, разбираюсь, – сказала Слава и с удовольствием сделала большой глоток. – Больше не буду – за рулем. А ты пей, наслаждайся.

Из кухни вышла высокая, крупная женщина в белом переднике и косынке на голове. Она подошла к их столику, и они со Славой обнялись и расцеловались.

– Зоя, – представила женщину Слава, – жена хозяина. Они тут работают вдвоем. Раньше помогали сын с невесткой, но потом они уехали в Грецию, у жены сына там родня,

и открыли в Салониках меховой магазин. Дела идут неплохо. Андреас с Зоей ездят к ним на зимние месяцы помогать с внуками. Таверна же летняя.

– А что у нас не берут заказ? – удивилась Лена.

Слава рассмеялась:

– Они лучше нас все знают. Ты не волнуйся. Подадут все лучшее и вкусное. А пока отдыхай. Расслабляйся.

Минут через десять к ним подошел хозяин с огромным подносом. На подносе стояло множество небольших тарелочек. Он расставил все на столе и поклонился.

– Это мезе, – объяснила Слава. – Куча разнообразных закусок. Рыба жареная, соленая, креветки, каракатицы, осминожки, устрицы, кальмары. Рыбная икра и паштет, местные маринованные травки, луковые кольца. Наестся можно одним этим, но это, так сказать, вступление, прелюдия. Основное блюдо потом. Только ты не пугайся – вкуснота такая, что все осилим. Проверено.

И они принялись за трапезу. Вкусно было так, что Лена, не большая гурманка, останавливалась от наслаждения. Андреас стоял за стойкой и улыбался. Незаметно Лена осилила бутылку вина. Наелись так, что откинулись в изнеможении на стульях. Говорить ни о чем не хотелось. Хотелось просто молчать и смотреть на море. Примерно через полчаса, дав им немного прийти в себя, Андреас принес блюдо с мелкой жареной рыбой.

– Барабулька, – объяснила Слава. – Вкуснее рыбы нет.

Рыба и вправду была восхитительная – с плотной корочкой и нежная и сочная внутри.

– Сказка, – оценила Лена. – А я и не представляла, что от еды можно получать такое удовольствие.

Слава усмехнулась.

– Удовольствие можно получать от очень многого. В том числе и от совершенно простых вещей, только нужно уметь это делать. Тогда будет не жисть, а жизнь.

Лена погрустнела.

– Да, ты права, но ведь не у всех это получается. Нужен, видимо, природный дар.

– Это самая большая жизненная наука, – поправила ее Слава. – И еще – всего ничего – оптимизм и немного денег.

Обе рассмеялись. Потом они выпили по маленькой чашечке крепчайшего кофе – Слава сказала, что они называют это кофе по-кипрски, хотя, конечно, это обычный сваренный на песке турецкий кофе. Но обо всем, что связано с турками, здесь стараются не говорить.

– Послушай! – тихо сказала Лена. – Пожалуйста, послушай меня!

Слава удивленно вскинула брови.

– Позволь мне заплатить, – продолжала Лена. – Пожалуйста! Ты и так столько для меня сделала! Близкие люди столько не делают. Позволь здесь заплатить мне!

– Да пожалуйста! Ради бога! – пожала плечами Слава. – Делов-то! И еще совет – ты вообще-то относись ко всему полегче. Без пафоса. Или хотя бы старайся.

– Попробую, – пообещала Лена.

Счет за ужин оказался просто смехотворным, даже по Лениным малым возможностям, и это здорово прибавило настроения. Они расцеловались с хозяевами и сели в машину.

– Домой? – спросила Лена.

– Ну уж нет, – улыбнулась Слава. – Я тебя еще помучаю. Если ты, конечно, не возражаешь.

Лена рассмеялась и кивнула.

Они выехали из города и стали подниматься в горы.

– Есть такая деревушка в горах, – начала Слава. – Там уже несколько веков занимаются только серебром и плетением кружев. Красота такая – оторваться невозможно. А природа! А дворики какие! Сама увидишь! Серебро копеечное, изделия сказочные. Даже если ничего

не покупать, все равно увидеть это место – сказка. Моя любимая деревня на Кипре. Лефкара называется.

Минут через сорок приехали. Припарковались на небольшой стоянке. Слава объяснила, что летом здесь, конечно, море туристов. Понятно, что деревня за их счет выживает. Но, сейчас, слава богу, пусто. Не сезон. Они двинулись по узким, мощенным булыжником улицам. Деревня стояла на высокой горе, и снизу открывался дивный пейзаж: ленты нешироких дорог, вкрапления зеленых островков леса и каменистые пустоши, заросшие яркими пятнами цветущих маков. Действительно, почти в каждом доме располагался серебряный магазинчик или лавчонка. На веревках, сколотые прищепками, висели кружевные скатерти и салфетки: кремовые, бежевые и кипенно-белые, с голубыми, розовыми и зелеными цветами – на огромные столы и совсем маленькие столики. Наволочки на подушки – в кружевах и ришелье. А еще передники, и блузки, и зонтики от солнца. От всего этого невозможно было отвести глаз. В маленьких двориках сидели старушки в черных платьях. Тут же, в окнах серебряных лавчонок, сидели мастера и что-то творили – стучали, выгибали, выпрямляли. Словом, работали. Можно было встать рядом и понаблюдать за процессом. Женщины, сидя на низких скамеечках, вышивали салфетки. В общем, деревня жила своей трудовой жизнью. По улицам носились детишки, и из окон вкусно пахло едой.

Лене казалось, что она попала в какую-то старую сказку. Слава завела ее в магазинчик.

– Скатерти, я думаю, тебе ни к чему, а вот с серебром пойдем разбираться, – сказала она.

Лена растерялась:

– Что ты! Мне ничего не надо! И вообще, я на это, честно говоря, не рассчитывала!

– Идем! – Слава крепко и решительно взяла ее за руку. – Носишь какое-то дерьмо советское в ушах. А здесь – такая красота!

– Это мне Сережа на свадьбу подарил, – обиделась Лена.

– Ага, Сережа! – усмехнулась Слава. – Оно и видно! И наверное, не без помощи своей мамы выбирал! Не сомневаюсь!

Лена вздохнула и растерянно пожала плечами.

У прилавка она замерла. Какая красота! Как можно выбрать что-то одно! Да просто невозможно! Хочется всего и сразу! Слава, глядя на Ленино потерянное лицо, улыбнулась.

Выбирали долго, около часа. Выбрали серьги – черненькие, кружевного плетения, с маленькой бирюзинкой посередине. Слава одобрила:

– Здорово! – И добавила: – А теперь кольцо.

– Что ты! – замахала руками Лена. – Кольцо я уже не потяну.

– Спокойно! – ответила Слава. – Только не суетись! Торговаться будем потом.

– Я не умею, – растерялась Лена.

– А на тебя никто и не рассчитывает, – тяжело вздохнула Слава.

Кольцо тоже нашлось. Правда, оказалось на размер мало.

– Это они сделают за пять минут, – объяснила Слава. – А теперь – самое главное. Будем торговаться. Ты не мешай. Просто стой рядом со скорбным лицом сорокалетней обесчещенной девицы. Можешь трагически смахнуть набежавшую слезу.

И Слава начала торговаться. Она делала «большие глаза», саркастически усмехалась, швыряла серьги на прилавок, потом опять брала их в руки и с холодной усмешкой разглядывала, потом снова швыряла. Хозяйка лавки возмущалась, обижалась, пару раз уходила в подсобку, взвешивала украшения на весах, подносила их к Славиному носу вплотную. Слава усмехалась и презрительно скидывала голову.

– Пойдем! – Она дернула Лену за руку.

– А как же?.. – Лена растерянно оглянулась на хозяйку.

– Идем! – прошипела Слава.

Они уже почти вышли на улицу, как их окликнула хозяйка. Слава медленно развернулась и не спеша, с достоинством вернулась к прилавку. Хозяйка махнула рукой и стала упаковывать украшения в блестящий подарочный пакетик. Потом она на калькуляторе обозначила сумму. Лена еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть. Весь гарнитур ей продавали по первоначальной цене серег. Хозяйка покопалась в своем хозяйстве и выложила перед Леной кулон на тонкой цепочке, такой же, как серьги и кольцо: с маленьким голубым камешком в центре. Хозяйка нажала на кнопки калькулятора – пятнадцать. Лена испуганно посмотрела на Славу, та растопырила две пятерни и поднесла их к лицу хозяйки, которая с ненавистью посмотрела на Славу, скривилась и со вздохом кивнула.

– Дай ей десятку, – бросила Слава и пошла к выходу. Лена положила деньги, и хозяйка раздраженно засунула кулон в блестящий пакетик.

– Спасибо! – пролепетала Лена.

Хозяйка издевательски поклонилась.

На улице Лена никак не могла прийти в себя. Дрожали руки. Слава спокойно курила и смотрела перед собой.

– Довольна? – усмехнулась она.

– Очень, – ответила Лена и добавила: – Но это такой стресс!

– А ты как хотела? И какой там стресс? По-моему, очень увлекательное дело. – Слава выбросила в урну бычок и рассмеялась. – Пойдем, выпьем кофе! Здесь в одной лавке делают потрясающий свежий лукум, прямо при тебе, представляешь? Заказываешь, какой хочешь. Лично я люблю лимонный. А ты?

– А я люблю любой, – улыбнулась Лена.

Пришли в маленький двор – всего-то три столика. Пахло сахарной пудрой. Заказали кофе и сладости. Сладости были еще теплые. Лена достала пакетик с покупкой. Разложила на столике сережки, колечки и цепочку с подвеской. Слава усмехнулась:

– Померяй!

Лена надела все это добро.

– А тебе здорово идет. К голубым глазам, – одобрила Слава. – А платье у тебя синее есть? Или голубое?

– Синее есть, – кивнула Лена. – Польское, с поясом.

– Представляю, – хмыкнула Слава.

Лена пожала плечами. Настроение у нее было прекрасное, обижаться вовсе не хотелось.

Потом они еще раз обошли узкие, извилистые улочки деревни и направились к машине.

– Просто как в сказке побывала, – сказала Лена. – Уезжать не хочется.

– Кто знает, может, еще вернешься сюда, – отозвалась Слава.

– Ну это вряд ли, – вздохнула Лена. – Хорошего понемножку.

Домой приехали усталые. Лене не терпелось отнести к себе пакеты и рассмотреть покупки.

– Час отдыхаем, а потом встречаемся внизу. Прощальный вечер, – скомандовала Слава.

Лена с наслаждением плюхнулась на кровать, даже не стала разбирать пакеты. Страшно гудели ноги. Она закрыла глаза и улыбнулась. «А жизнь, оказывается, не так сурова и иногда дает поблажки», – подумала она и не заметила, как уснула. Разбудил ее стук в дверь. Заглянула Слава:

– Вставай, лежебока! Пошли на веранду, выпьем вина с клубникой! Вечер дивный, теплый и без ветра.

Лена легко вскочила с кровати, причесалась и спустилась. На веранде, на столике, стояли тарелка с клубникой, бутылка вина и два бокала.

Лена чуть не разревелась.

– Господи, сколько ты для меня делаешь! – хлюпнула она носом.

– Почему для тебя? – удивилась Слава. – Себя-то я тоже не забываю И вообще неплохо к себе отношусь. Так что ты не преувеличивай мою роль в твоей жизни. Ну, поехала бы я сюда одна и сидела бы, как забытая в заднице клизма. А так – у меня компания. И совсем даже неплохая.

– Спасибо! – совсем расчувствовалась Лена.

Они сели в кресла, и Слава разлила вино.

– Местное, десертное, – сказала она. – В одном монастыре делают. Сначала виноград вялят на солнце. Сладковато, конечно, но ничего.

– Вкусно. – Лена отпила глоток.

Долго молчали. Потом наконец Лена решила:

– Расскажи мне дальше, пожалуйста, про свою семью!

Слава внимательно посмотрела на нее:

– Интересно?

Лена кивнула.

– На чем мы остановились? – уточнила Слава.

Лена ей напомнила.

– Ну да. Так вот. Вернулась Клавдия из деревни. Закончила курсы машинисток. Устроилась на работу в какую-то контору. Получила комнату – крошечную, темную. В полуподвале. Зажила тише мыши. Какие-то мужики завелись – так, ничего особенного. Один даже замуж звал – инженер какой-то. Жил со старым отцом в комнате на Садовой. Умолял ребенка родить – видимо, любил ее сильно. Она его апартаменты посетила, на дряхлого папашу посмотрела и решила: на хрен ей это надо? Комната – говно, да еще за двумя мужиками ухаживать. А про ребенка она и слушать не хотела. Говорила – хватит. Одного схоронила. В общем, бросила она этого инженера. А потом, в 34-м году, влюбилась, наверное, в первый и последний раз в своей жизни. Ей было тогда тридцать шесть. Он был скрипач в Мариинке – красавец, кутила и бабник, младше ее на семь лет. В 35-м, в тридцать семь лет, она от него родила. Он, конечно, возражал – ему этот ребенок до фонаря, но бабка стояла на своем, наивно надеясь, что этим его удержит. В первый раз ей изменило ее радио. Вот он ее помучил – мама не горюй! Довел до нервного истощения и сердечных припадков, и это при ее-то богатырском здоровье! То приходил, то уходил, она все прощала. Короче, обычная история. А потом война. Блокада. Этот скрипачишка приполз к ней. Понимал чутьем, что пропасть она ему не даст. Вот тогда она в первый раз в свой бидончик, стоящий под кроватью, и залезла. Нашла какого-то барыгу и потихоньку ему цацки сплавляла. Представляешь, потом для моей матери, своей больной дочери, ничего не вытащила, а этого полубовника всю блокаду кормила хлебом с маслом. Уезжать по Ладоге он отказался – ведь машины бомбили, сколько их провалилось под лед! А ему и так было неплохо: сыт, ухожен, по утрам пил настоящий кофе с молоком. На улицу не выходил – боялся трупов. А через год после войны – сбежал к какой-то балерине. Бабка тогда его по всему Питеру искала, но так и не нашла. А через год встретила своего следующего мужа. Он работал в каком-то министерстве, по-моему, что-то связано с рыбным хозяйством. Был он вдовцом, жена и дочь погибли в блокаду. С бабушкой они поженились, дали им двухкомнатную квартиру, служебную дачу, машину с водителем, домработницу. Бабка наконец расслабилась и зажила. Я вот часто думаю: сколько после войны одиноких баб было – и молодых, и красивых. Мужиков на всех ведь не хватало. А она – пожалуйста, вышла замуж, да еще так удачно, скажем прямо. Муж был человек хмурый, суровый, но ее любил, в шубы одевал, по курортам возил, дочку ее, мою маму, обожал. Баловал, лелеял. Она называла его отцом. Обижался на бабу, что та к ребенку равнодушна. Искренне не понимал, как такое может быть. Но как было, так было – маму она не любила. Я вот все думала – почему? Ведь от любимого человека. Но, видимо, не простив ему предательства, переносила

все это на ни в чем не повинного ребенка. Мама не видела от нее ни ласки, ни любви – одни упреки, подзатыльники и претензии. Только дед ее жалел. Потом мама узнала, что у деда появилась любовница, и, конечно, от матери скрыла. Но той все равно скоро донесли, и она назвала дочь предательницей. Сказала, что этого никогда ей не простит, и слово свое сдержала. Бушевала она тогда страшно – шантажировала деда, угрожала. Ну, понятно – спасала свою шкуру. Добилась того, что эта тетка, любовница, из города убралась. Дед от скандалов и переживаний вскоре помер от инфаркта. А она тогда сказала: «Бог не Тимошка». Безгрешная наша... После смерти деда она сразу отдала маму в интернат. Машину и дачу у нее отобрали, а квартира, конечно, осталась. Мама приезжала домой только на каникулы – на выходные оставалась в интернате. Здоровье у нее с детства было слабое, но ни на какие моря и курорты бабка ее не вывозила. А сама ездила – будь здоров! После интерната мама вернулась в «отчий дом», но отношения с бабкой были ужасные – чуть ли не до драк доходило. И бабка выбила дочери комнату в коммуналке – помогли старые дедовы связи. Мать ушла из дома с картонным коричневым чемоданом, с которым уезжала в интернат. В молодости был у нее роман с каким-то архитектором, но через пару лет он ее бросил. Ну, а потом ты знаешь – появился этот зав ателье, продолжалось это много лет. Ну и еще мой отец в Крыму. Вот и вся личная жизнь. Не богатая, прямо скажем. С бабкой она совсем не общалась – не могла ей простить «внебрачного высерка» и то, что она отказала ей в помощи. Перед смертью мама мне рассказала, что она имела в виду, когда говорила, что бабка богата, рассказала про ее драгоценности. Я, честно говоря, не поверила – она уже находилась в полубредовом состоянии. Но мама горячо меня убеждала, что драгоценности эти есть и она их сама видела. «Ну, ладно, есть и есть, – подумала я. – Мне-то от этого ни горячо и ни холодно». Бабку свою я хорошо знала. Мама умерла в больнице от удушья. Ночью. Постеснялась позвать врача. Бабка на похоронах не плакала. Мать не поцеловала – только перекрестила. На поминки не осталась. Подошла ко мне, посмотрела на мое пузо, на моего мужа, сказала «дура», вздохнула, покачала головой и удалилась. У ворот кладбища ее ждало такси. А через два месяца я родила сына. Жили мы у меня. В комнате – две односпальные кровати, журнальный стол и два стула. Вещи висели на вешалках на гвозде. Да и какие там вещи! Ванночку, чтобы ребенка выкупать, поставить некуда. Еле впихнули детскую кроватку. Муж ни черта не зарабатывал – какие заработки у студента-художника? По ночам мыл полы в подъезде, а по утрам разносил почту. Мальчик у нас был шумный, беспокойный – видимо, в меня. Орал по ночам. Соседи скандалили, а куда деваться? Кляп же ребенку не вставишь! Ели мы одну картошку и макароны, хорошо, если с ливерной колбасой. У сына началась аллергия на мое молоко. Все срыгивал. Маялся животом. Врач сказал, что нужны хорошие смеси, импортные – купить можно только в «Березке», за валюту. И тогда я пошла к бабке. Сидела у нее на кухне и плакала, тощая, зеленая. Она мне даже чаю не налила, но денег дала. Правда, что при этом наговорила – передать страшно. Костерила меня последними словами: и дура я, и идиотка, и цены себе не знаю, и связалась с нищим придурком. Мать мою, свою покойную дочь, вспомнила – тоже поливала последними словами. Но я все вытерпела, ни слова не сказала. Ради ребенка. Понимала, что без ее денег мы пропадем. Потом все стало потихоньку налаживаться. Сын выправился, муж стал понемногу зарабатывать. Однажды я пришла к бабке с сыном. Ему тогда годика три было. И представляешь – бабке он понравился. Она даже по головке его погладила и на колени посадила. В общем, как говорится, летом снег пошел. И после этого мы с сыном стали к ней захаживать. Но без мужа – его она видеть не желала. А на правнука денег подбрасывала. Я ей стала продукты приносить – раньше ей это делала соседка, за деньги, разумеется. Ведь дружить бабка ни с кем не умела. Она уже стала совсем слабой – из дома не выходила. И мне показалось, что она даже стала ждать нашего прихода. А потом случилось вообще чудо – она меня к себе прописала.

Умерла бабка ночью. Соседи говорили, что слышали громкие крики. Вызвали милицию. А когда она приехала, уже все стихло. Было это в 93-м, ей стукнуло девяносто пять лет. Пришлось ломать дверь – ключи она мне так и не доверила. Похоронили ее в одной могиле с мужем. Отпевали в церкви, хотя не знаю, хотела бы она этого или нет. Мы стали разбирать ее квартиру, чтобы начать делать ремонт, и представь – без всякого труда и сноровки нашли драгоценности. Знаешь где? В ночном горшке под кроватью. Зеленый такой эмалированный горшок с ручкой и крышкой. Отбитый по бокам. А в нем мешочек – двойной, сшитый из наволочки, перетянутый обычной бельевой резинкой. Довольно увесистый. Когда открыли – упали в обморок. Нет, ценности всего этого мы не представляли – откуда нам, молодым дуракам, это знать? Мы обалдели от красоты. Пасхальное яичко – эмалевое, в камнях. Серьги – жуки с изумрудами. Брошь-ландыш, цветочки из белого опала качаются, как живые. Булавка для галстука – желудь из топаза. В общем, много всего. И даже нам стало понятно, что мы в одночасье стали богатыми людьми. Только я сидела над всем этим добром и редела – маму вспоминала, ее болезнь и всю нашу с ней жизнь. И бабку люто возненавидела.

Сделали мы ремонт, выкинули старую бабкину бронзовую люстру – она нам показалась слишком помпезной и громоздкой. И у меня был бзик – мне все казалось, что крючок не выдержит – такая она была огромная, – и она в конце концов рухнет и погребет под собой кого-нибудь из нас. Цацки мы спрятали – сделали тайник. Продавать боялись – это дело такое, надо знать кому, а то можно влипнуть. Не понесешь же такое в комиссионку. Хотя это мы, два дурака, сообразили. А продать был большой соблазн – много чего хотелось. Но мы держались, сколько могли. А потом решили перебираться в Москву – в Питере мне жить не хотелось, слишком много воспоминаний, да и в бабкиной квартире было как-то неуютно. В общем, ту квартиру мы продали, хорошо продали, за большие деньги – самый центр все-таки. Купили сначала двушку в Орехове. Потом муж открыл свою галерею. Тогда был большой спрос на русское искусство. Дела пошли. Муж оказался хорошим менеджером – отыскивал талантливых ребят, вывозил их работы за рубеж. Стал в этой среде уважаемым человеком. Но разбогатели мы, конечно, не на этом – вложили деньги в очень прибыльный бизнес, связанный со строительством. Вот тогда и появились настоящие деньги, правда, пришлось залезть в бабкин мешочек. Жалко было до слез: каждая вещь такой красоты, что выбрать, с чем не жалко расстаться, было почти невозможно. Но надо было давать огромные взятки. Одних гениальных способностей мужа и связей было явно маловато. С самыми любимыми вещами я все-таки не рассталась.

– Это тоже оттуда? – спросила Лена, показывая на Славины кольца.

– Ну естественно. – Она сняла кольца и положила их на стол.

– Можно? – спросила Лена и осторожно, словно музейную ценность, взяла в руки одно из них. Впрочем, это и была наверняка музейная ценность – полураскрывшийся розовый бутон, как будто с капельками росы. Второе кольцо было с плоским овальным черным камнем, который оплетали тонюсенькие золотые нити, или ветви, усеянные бриллиантами.

– Эти два мои самые любимые, – сказала Слава. Потом она вынула из ушей серьги – маленькие виноградные гроздья с веточками и ягодами фиолетового и зеленого цвета. – Аметисты и изумруды, – объяснила она.

Лена бережно положила серьги на стол.

– Не боишься носить такую красоту?

Слава усмехнулась.

– Я уже ничего не боюсь. Хватит, отбоялась. Ты думаешь, мы мало за эти годы пережили? В смысле бизнеса? Такое было, что вспомнить страшно. Но ничего, выстояли. Так что, подруга, я теперь смелая стала. Аж самой противно. Клейма видела? – Продолжала она, опять надевая драгоценности.

– А что мне клейма? – удивилась Лена. – Можно подумать, я что-то в этом понимаю.

Слава затянулась сигаретой и сказала:

– Знаешь, как говорится, человеку удастся либо первая половина жизни, либо вторая. Первая у меня была – господи не приведи. А второй я довольна вполне. С мужем у нас брак честный, партнерский. Вместе столько прошли – уже ничего нас не разведет, даже стучать по столу и плевать через левое плечо не буду. Сын тоже неплохой парень, хотя избалованный, конечно. А как я могла его не баловать после своего «сладкого» детства. Но вырос не наглым, всему цену понимает. И учится неплохо, и с девочкой хорошей уже год встречается. В общем, жаловаться грех.

– А у меня вся жизнь была ровной, – с грустью сказала Лена, – без приключений. Эта наша поездка – пожалуй, самое яркое впечатление. – Она вздохнула и улыбнулась. – Обычная советская среднестатистическая семья. Жили от зарплаты до зарплаты, но не голодали, суп и котлеты с компотом в холодильнике всегда были. В коммуналке я не жила – отцу на работе дали двушку в Черемушках, правда, в хрущевке. Но я помню, как родители радовались: своя кухня, свой туалет. Летом ходили в походы – палатки, рыбалка, грибы. Пару раз ездили на Азовское море – там было дешевле. Потом институт, свадьба в кафе – сняли зал, а готовили дома, тоже из экономии. Платье свадебное мама мне сшила сама – в магазине оказалось дороже. Подарки на свадьбу подарили чудные – чеканку на стену, банки для крупы, металлические такие, знаешь, в красный горох? Я тогда заплакала даже, когда дома развернула. А свекровь подарила пижаму, на два размера больше моего. В общем, всю первую брачную ночь я проревела. Казалось, что меня обманули. И представляла я себе это все не так. Не знаю как, но точно – не так. Наверно, почувствовала всю убогость происходящего. Не то чтобы знала, как надо, а просто почувствовала – на уровне интуиции. Хотя Сережу я очень любила, и замуж за него хотела очень, а вот счастливой себя не чувствовала. Странно, да?

– А я таким, как ты, в детстве завидовала: отдельная квартира, есть и мама и папа, в холодильнике обед, отдых на море, с родителями. Гости, наверно, по субботам. Пирог, холодец, – сказала Слава.

– Это да, – отозвалась Лена. – Все именно так, как ты говоришь. И родители у меня чудесные, дай им бог здоровья. И муж неплохой, хороший даже, на фоне других. Сколько теток одиноких вокруг! И детки замечательные – сын и дочь. Полный комплект. Работа любимая. Нервная, но любимая. Квартира хорошая – кухня десять метров. Машина. Пусть «Жигули», но свои колеса. Только знаешь, – Лена замолчала, – иногда мне кажется, что все у меня как-то не так. В смысле, могло быть по-другому. Ярче, что ли. Интересней. Не знаю, правда, как. Или я бога гневлю? Не приведи господи! – Она испугалась и поспешно добавила: – Я не завидую, нет, нет, ты не подумай!

– А мне всегда чего-то не хватает – зимою лета, осенью весны, – пропела Слава. – Да это нормально все. Не переживай! Где ты встречала человека, полностью довольного своей жизнью? Все мы думаем, что где-то и в чем-то нас обделили. Несправедливо обделили. И самая главная мудрость – научиться так не думать и постараться быть довольным своей судьбой. Знаешь ли, в каждом домушке свои погремушки и свои скелеты в шкафах. И у других, поверь мне, гораздо хуже, чем у тебя.

– Ты просто кладешь мудрости, Слава!

– Это да! – рассмеялась та и посмотрела на часы. – А не пора ли нам спать? Завтра, между прочим, собираться. Ты ведь наверняка захочешь на пляж, а на три у нас уже заказано такси. Так что давай, подруга, наверх и баиньки!

Лена взяла со стола бокалы и тарелку с недоеденной клубникой, отнесла все это на кухню, помыла бокалы и пошла к себе. Она широко раскрыла окно – последнюю ночь подышать морским воздухом, – бросила взгляд на пакеты с подарками, улыбнулась и улеглась в кровать. И только блаженно вытянув ноги, поняла, как сильно устала она за этот такой длинный, бесконечный день. «Вот и окончился праздник», – подумала она. Почему-то ей

стало грустно, просто до слез. Но она вспомнила про разговор с мудрой Славой и подумала, что действительно, самое главное – научиться быть довольной своей судьбой и уметь радоваться неожиданным подаркам этой самой, не очень щедрой, судьбы. С этим и уснула.

Наутро наспех выпили кофе, и Лена побежала на пляж. Слава, конечно же, отказалась. На пляже было довольно прохладно и ветрено – солнце нахально спряталось за облака и, кажется, не собиралось выползать. Лена все же наспех искупалась – плавать не хотелось, просто пару раз окунулась, – обтерлась полотенцем и побежала к дому. Слава наводила последний глянец – выбрасывала из холодильника остатки продуктов, протирала влажной тряпкой пол, мыла пепельницы.

– Давай помогу, – смутилась Лена.

– Иди собирайся! Я уже все доделала, – ответила Слава.

– Ты извини, я как-то не подумала, – расстроилась Лена. – Ушла развлекаться, а ты тут пашешь!

Слава внимательно посмотрела на нее:

– Твоя проблема в том, что ты зацикливаешься на мелочах. А надо – проще. Я, знаешь ли, не упахалась. Это раз. Потом, я хозяйка, а ты гость. Это два. А три – я могу приехать сюда в любое время и получить солнце и море по полной программе. Так что не комплексуй и иди, кстати, собирайся! Такси придет через час.

Лена побежала наверх, быстро побросала свои вещи в чемодан. Подарки в пакетах уложила сверху, чтобы не помялись, часы – подарок родителям – завернула в майку, не дай бог, разобьются. А новые украшения надела на себя. Подошла к зеркалу, посмотрела – красиво. И очень ей идут. Слава права. А потом вспомнила про Славины бутоны и виноградины и усмехнулась. Через полчаса она спустилась вниз с чемоданом. Слава, одетая в узкое белое платье с крупными золотыми пуговицами и матросским полосатым сине-белым воротником, сидела на кухне и курила. Лена села рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.